

1

Этот день должен быть особенным.

День моей помолвки.

А он, вопреки ожиданиям, самый обыкновенный.

Тот же мокрый снег за окном, что и вчера, те же вязкие лужи и тучи. И все так же в нетопленом, полуразвалившемся особняке гуляет ветер...

Я отвернулась от окна и взглянула на свое отражение.

Зеркало было старым. Тяжелая бронзовая рама, которая некогда обрамляла его, давно перекечевала в ломбард. И теперь потускневшее от времени стекло просто опиралось о стену.

— Красавица! — рядом благоговейно вздохнула няня. — Такой цветочек — и за старика...

— И ничего он не старик, всего-то сорок годков. Помоложе тебя будет! — фыркнула мачеха и кивнула мне на стул перед зеркалом: — Садись, Хлоя. Ты должна быть благо-

дарна богам, что герцог Минрах выбрал тебя. Только представь, какие перспективы открывает это замужество!

— Знать бы еще, куда подевались его предыдущие шесть жен, — тихо проворчала няня.

— Цыц, Табита. Твое мнение тут никого не волнует. Подай вон те бирюзовые ленты! — прикрикнула мачеха. — Поверенный жениха будет здесь к вечеру. И ты, Хлоя, должна вернуться наизнанку, но сделать так, чтобы помолвка состоялась. Все поняла?

— Да, матушка, — я опустила взгляд на свои пальцы, нервно теребящие выцветшее кружево на рукавах.

— Вот и славно. Ты хорошая девочка. Если все сложится, герцог даст за тебя баснословный выкуп. Больше, чем наша семья могла ожидать.

Вооружившись расческой, леди Бурджес продолжила:

— С такими деньгами мы сможем поправить дела и обновить поместье. Еще и сестрам твоим останется на приданое. Да и ты заживешь в замке мужа как королева!

Я терпеливо ждала, пока мачеха расчешет мне волосы, разделит пробором и заплетет в две косы.

Закончив прическу, она недовольно цыкнула:

— Совсем без украшений нельзя. Сиди, я поищу, что у меня осталось.

Когда она вышла, я наконец-то позволила себе всхлипнуть.

Няня бросилась ко мне в ноги, схватила за руки:

— Дочка моя, чует сердце, не все с этим герцогом просто! Сама знаешь, худая молва впереди человека бежит. А про Гидеона Минраха такой страх говорят!

— Какая разница, что о нем говорят, если он даст нам денег? — прошептала я, освобождая руки и вытирая предательские слезы. — Матушка права, это большая удача...

— А может, и не ты ему вовсе нужна, а твой дар! Слышала я, что все его жены были целительницами! Вот и тебя поэтому выбрал, овечку мою...

Няня не договорила.

Звуки шагов и голоса за дверью заставили нас обеих насторожиться.

Шум быстро приближался. Я расслышала бряцанье железа и замерла, сверля дверь напряженным взглядом.

— Стойте, туда нельзя! Она еще не готова...

В доме кто-то чужой?

Мое сердце сжалось.

Неужели это представитель жениха? Но разве он не должен прибыть только к вечеру? И как он смеет врываться ко мне в комнату, если ему сказали, что я не готова? Что за нахальство!

Дверь распахнулась без предупреждения.

Я резко встала, собираясь встретить наглеца суровой отповедью. Но слова застыли у меня на губах.

На пороге стоял незнакомый мужчина.

Высокий, широкоплечий, в запыленном плаще с обтрепанным краем. С осунувшимся, немного усталым лицом. Его грудь и руки покрывала чешуя из черных металлических пластин. За плечами торчали потертые рукояти мечей. Волосы цвета черненого серебра торчали неровными прядями, будто кто-то в спешке отсек их клином.

А глаза... глаза у него были странными. Слишком светлыми, будто выцветшими, с темным, почти бордовым ободком и узкой точкой зрачка.

Гость окинул комнату цепким взглядом, затем перевел внимание на меня.

Я прекрасно знала, что он сейчас видит.

Простое закрытое платье. Тонкий профиль. Бледные щеки. Светлые волосы, темные ресницы и брови... тяжелые косы до земли — моя гордость и единственное приданое, не считая магического дара.

Я с вызовом вскинула голову.

Наши взгляды столкнулись. Светлый и черный.

Для такой белокожей блондинки, как я, черная радужка была редкостью, а еще — признаком дара. Только магически одаренные люди могли похвастать такими глазами. И чем сильнее был дар, тем чернее глаза.

Опасный гость чуть прищурился. Его взгляд двинулся вниз, задержался на моей груди, стал оценивающим. По губам скользнула усмешка.

Но я и не думала делать вид, что смутилась.

Еще чего не хватало! Этот наглец ворвался ко мне в комнату, а теперь рассматривает, будто лошадь на ярмарке. Того и гляди, подойдет, начнет в зубы заглядывать!

— Сэр, — произнесла я, сдерживая желание стянуть ворот плаття, — по какому праву...

— По праву, данному моим господином герцогом Гидеоном Минрахом, — бросил гость без тени эмоций. И тем же бесстрастным тоном добавил: — Я не сэр. Не стоит меня так называть.

— Тогда как мне к вам обратиться?

— Авенар.

— И все?

— И все. У рабов нет фамилий. Но поскольку вы станете моей хозяйкой, то можете называть меня, как хотите.

С этими словами он повернул голову и оттянул воротник, закрывающий шею до подбородка. Под тканью скрывалось клеймо раба.

Я оцепенела, не в силах отвести взгляд от черной печати.

Клейменный дракон? Раб моего жениха?

К такому я не готовилась!

В голове за мгновение промелькнуло все, что мне было известно о клейменных драконах.

Война между нашими расами длится не один век, и наши маги часто берут в плен драконов. Эти существа лишь внешне похожи на нас, на самом деле они сильнее, выносливее людей, их непросто убить. И они быстрее, чем люди, восстанавливаются от ран. Но клейме-

ный дракон лишен второй ипостаси и не может использовать магию.

А еще... такие рабы ненавидят своих хозяев, хотя верно и преданно служат им.

От ответа меня избавила мачеха.

Леди Бурджес протиснулась в комнату мимо Авенара и быстро затараторила:

— Ох, так неужели помолвка — дело решенное? Но ведь его светлость еще не успел даже как следует познакомиться с моей дочерью!

— Это лишнее, — ответил посланник. — Мой господин приказал передать вам вот это.

Не отводя от меня холодного взгляда, он протянул мачехе конверт из плотной бумаги, запечатанный сургучом. И продолжил:

— Здесь брачный договор в двух экземплярах. Там же указана сумма выкупа. Если вас все устраивает, то пусть представитель невесты его подпишет.

Мачеха бросила на меня виноватый взгляд. Я понимающе кивнула.

Представитель невесты — это отец. Да только сейчас мой папенька вряд ли осилит поднять перо. В семье его пагубное пристрастие к элю не обсуждалось, но и жена, и слуги, и все пять дочерей прекрасно понимали, почему поместье пришло в упадок и куда подевались из дома ценные вещи.

— Позвольте мне отойти, — леди Бурджес изобразила улыбку. — Передам документы супругу.

Авенар чуть подвинулся, пропуская ее.

Все это время он стоял на пороге, не входя в комнату, но и не выходя из нее. И все так же смотрел на меня.

С уходом мачехи в воздухе повисла неловкость.

Под пристальным взглядом гостя я слегка растерялась. Как обращаться с чужим рабом, если сейчас он представляет своего господина? И как обращаться с ним, если от одной мысли о нем меня пробирает озноб?

Разум требовал проводить Авенара в гостиную. Девичья спальня не место для чужаков. Но слова не шли с языка. И меньше всего я хотела снова встречаться с ним взглядами, а потому смотрела куда угодно, только не на него.

Кожей чувствовала, что гость по-прежнему меня изучает.

Холодные глаза дракона пугали, а его оценивающий взгляд невыносимо раздражал. От смеси этих эмоций я злилась все больше.

В конце концов, воспитание взяло верх.

— Господин Авенар...

Наши глаза все-таки встретились.

Я внутренне вздрогнула, но выдержала тяжелый взгляд. Вспомнив, кто стоит передо мной, поправилась:

— Авенар, пройдемте в гостиную. И не стойте в дверях. В наших краях говорят, что так загораживают счастьем вход в дом.

Вместо ответа дракон окинул голые стены и пол говорящим взглядом, ясно давая понять, что счастья здесь и так давно нет.

Против воли я проследила за ним.

Пришлось стиснуть зубы, сдерживая неприязнь. Ведь и без слов было понятно, что именно видит чужак. Вытертый паркет, выцветшая ткань обоев. Часть изразцов на камине отсутствует. Обивка дивана и кресел засалилась, и ее давно пора менять.

Впрочем, в других комнатах было не лучше.

Все в особняке говорило о бедственном положении нашей семьи. А хуже всего были пыль и паутина, захватившие старый дом. Стоило только прибраться с утра, как к вечеру они вновь появлялись.

Когда-то здесь проживали два десятка горничных, не считая других слуг. Теперь осталась одна Табита да однорукий истопник по имени Ганс. Им уборка была уже не по силам.

Мы с сестрами старались поддерживать чистоту в своих комнатах, но мачеха постоянно ругалась: негоже леди братья за тряпку и портить руки! Кто же их тогда замуж возьмет?

В такие моменты я сердилась:

— Матушка, какое «замуж»? Кому мы нужны без приданого?

— Твое приданое — это твой дар! — фыркала леди Эмма. — К тому же ты и твои сестры из древнего рода графов Бурджесов, которым сам Дартен Великий пожаловал эти земли. Вот увидишь, на каждую найдется жених!

И женихи находились. Едва мне исполнилось шестнадцать, как предложения руки и сердца повалили в наш дом бурным потоком.

Только все от мещан, разбогатевших на контрабанде, ростовщичестве или других, не менее подозрительных способах. Эти люди хотели купить себе титул, женившись на обедневшей дворянке. Но такой брак был верным путем закрыть мне и сестрам двери в приличное общество. А мачеха все еще надеялась однажды снова попасть в королевский дворец. Она была там единожды, на своем первом балу, и до сих пор вспоминала сие событие с восторгом в глазах и придыханием в голосе.

Ее мечта едва не стала реальностью, когда мне исполнилось восемнадцать. Тогда у меня наконец-то появился подходящий жених. Достойная пара для дочери ленного дворянина. Я была влюблена и готовилась к свадьбе. Но...

Не сложилось.

Сейчас мне не хотелось вспоминать о том случае. Да и зачем? Это уже ничего не изменит. Теперь, в свои двадцать три, я считалась уже старой девой, которой младшие сестры наступают на пятки.

Фелиции в этом году исполнилось семнадцать, близнецам Юстине и Юлиане по четырнадцать, крошке Адриане — десять. Но у них, в отличие от меня, не было ни капли магического дара. Он достался мне от моей матери — леди Астреи.

Говорят, когда-то давно в нашем мире жили не только драконы, но и эльфы. Иногда они вступали в связь с человеческими женщинами, и от этой связи появлялись дети с магическим даром. Может, это лишь сказки,

но магия у людей просыпается редко, и сильная магия — и того реже.

Моя мать была сильным целителем. Я знала о ней лишь то, что она умерла во время родов. Это проклятие всех женщин-целителей — мы можем лечить других, но не себя.

Отец выдержал положенный траур и привел в дом леди Эмму. Мне тогда было три года, и с тех пор мачеха заменила мне мать.

В те времена отец еще был способен содержать семью. Он страстно хотел сына, наследника рода, но леди Эмма рожала только дочерей. Одну за другой. И каждый раз, когда на свет появлялась очередная моя сестра, лорд Гарольд Бурджес в отчаянии все чаще прикладывался к бутылке и все меньше внимания уделял поместью. А когда родилась Адриана, то и вовсе напился так, что свалился с коня.

Итогом стал перелом ноги и разбитый затылок.

В тот год мне исполнилось тринадцать. И именно тогда у меня проснулся магический дар.

Увидев, как слуги вносят на рогоже тело отца, я ощутила сильную боль в груди и потеряла сознание. А очнувшись, обнаружила в себе новую силу.

Эта сила пришла с первыми женскими днями.

Перепуганная и растерянная, я не знала, что делать. Боялась признаться мачехе в том,

что со мной происходит. Чувствовала себя грязной и гадкой. Пряталась по углам.

А еще меня неудержимо тянуло в комнату, где тихо постанывал отец. Семейный лекарь наложил ему шину на ногу и повязку с целебной мазью на голову. Только это не уменьшило боли.

Детям было запрещено тревожить отца. Но я тайком прокрадывалась к его комнате и долго стояла под дверями, не решаясь нарушить запрет. С каждым днем во мне все больше крепла уверенность, что нужно войти и помочь. Чем я могу помочь!

А потом отцу стало хуже. Кости и плоть отказались срастаться, рана почернела и постепенно становилась все больше. В очередной раз осмотрев перелом, лекарь поцокал языком и сказал:

— Простите, леди, но помочь я ничем не могу. У него черная гниль. Это не лечится.

2

Тогда я впервые услышала, как плачет мачеха. Она всегда была добра ко мне так же, как к родным детям. Веселая, улыбающаяся, неунывающая леди Эмма, которая даже в тяжелые времена оставалась жизнерадостной и полной надежды. Соседи и слуги считали ее легкомысленной женщиной, но она просто верила в лучшее. А лекарь забрал у нее эту веру.

В тот вечер я все же пробралась к отцу, пока служанка, которая ухаживала за ним, вышла, чтобы выплеснуть таз с грязной

водой. Меня словно что-то вело, подсказывало, что нужно делать.

Следуя внутреннему голосу, я положила ладони на больную ногу отца. Зажмурилась и изо всех детских сил пожелала, чтобы он стал здоровым.

Что было дальше — не помню. Вернувшаяся служанка нашла меня без сознания на полу.

Несколько дней я не приходила в себя, металась в горячке и бредила. Даже лекарь не знал, что со мной делать. А когда очнулась, всех поразили мои глаза. Из серо-голубых они стали черными.

Но главное — от перелома отца не осталось следов. Даже шрама.

Впрочем, радость была недолгой. Встав на ноги, лорд Бурджес первым делом вернулся к бутылке. Против пагубной страсти мой дар оказался бессилён.

Потом в поместье еще не раз приезжал лекарь и уговаривал мачеху отдать меня в ученики столичному магу. Целители в королевстве очень ценились. Но обучение стоило денег, а их у нас с каждым днем становилось все меньше. Да и где это видано, чтобы приличная леди сама зарабатывала на жизнь? Все, что может женщина с даром, это выйти замуж и использовать свою силу на благо семьи!

Так что я никуда не поехала.

Старый лекарь подарил мне книжки, по которым когда-то учился сам, и объяснил азы

врачевания. Но большего сделать не смог: его собственный дар был таким крошечным, что с трудом лечил синяки и царапины.

А когда мне исполнилось пятнадцать, падение нашего дома было уже не остановить.

В тот год февральское тепло заставило проклюнуться почки и взойти озимые раньше обычного. В марте ударили морозы, которые на корню уничтожили всю зелень. Потом целый месяц шли дожди, прорвало плотину и снесло старую мельницу.

Но, словно этого было мало, во второй половине лета началась небывалая засуха. Весь урожай погиб.

Отец топил горе в бутылке и причитал, что во всем виновата жена. Вот родила бы сына — никакой бы засухи или потопа не было!

А леди Эмме пришлось взять заботу о семье на себя. Мачеха собрала оставшиеся в доме ценности и заложила, чтобы подготовиться к зиме и закупить зерно на весну. Но управляющий, который вел дела поместья в последний год, исчез вместе с деньгами.

Потом она влезла в долги и закупила зерно сама. А оно оказалось отравлено спорыньей.

Несчастья преследовали нас одно за другим.

Мельницы встали. Лошади лишились фуража. Крестьяне сначала продавали запасы и вещи, затем скот, потом попытались устроить бунт, но нам и самим приходилось туго. Тогда люди начали сниматься с мест. Деревни, платившие ренту поместью, постепенно пустели.

За последние годы дела семьи окончательно пришли в упадок. Поля стояли невспаханными, фамильные драгоценности переселились в ломбард, старый особняк разваливался на глазах...

Росли только долги.

Мачеха храбрилась, как могла. Отец почти не просыхал. А я тайком начала принимать больных.

Платой за мои услуги было то небольшое, что могли принести крестьяне: яйца, молоко, свежие овощи, а иногда и кусочек окорока перепедал.

Вскоре молва о моих способностях доказалась до городка. Оттуда начал приезжать народ побогаче.

Я лечила всех, не отказывала никому, потому что это был единственный способ не дать нам пойти побираться. Но мне не хватало знаний. Я не умела контролировать дар и каждый раз выкладывалась досуха. Потом несколько дней отходила. Лежала пластом, не в силах подняться. А сестры, мачеха и старая няня ухаживали за мной.

Сегодня я только встала после предыдущего больного и все еще испытывала слабость. Ноги почти не держали, очень хотелось сесть. Да и в голове немного туманилось.

Но гость с холодными глазами смотрел вокруг, не скрывая презрения. Я злилась, представляя, что этот Авенар думает о нашей семье. Это еще хорошо, что он про отца не знает. Для всех Гарольд Бурджес болен и не может

принимать гостей. Хотя на самом деле он давно потерял человеческий облик.

Если бы я только могла! Я бы исцелила отца своей магией. Но, к сожалению, это мне не под силу. Магия лечит тела, а не души.

К моему облегчению, когда мы с Авенаром спустились в гостиную, мачеха была уже там. Выглядела немного смущенной, отводила взгляд и явно не знала, чем занять гостя.

Я сразу поняла, что происходит. Отец слишком пьян, чтобы подписать документ. Только как это объяснить чужаку?

Впрочем, тот и сам уже заподозрил неладное.

— Лорд Бурджес подписал договор? Его устроила сумма выкупа?

Эмма раскрыла рот, да так и забыла его закрыть. С мольбой глянула на меня, надеясь, что я что-то придумаю.

— Матушка, — я пришла к ней на помощь, — отец еще не вернулся?

— А? — она непонимающе моргнула. — Э-э, да! Он уехал. Но скоро вернется и тогда все-все подпишет.

— Когда? Скоро? — лицо Авенара стало еще мрачнее.

В светлых, как лед, глазах полыхнуло алое пламя.

— Наверное, как обычно, после ужина? — мне пришлось снова подсказать Эмме.

— Да-да, после ужина, — та не сдержала вздох облегчения. — Мой муж с утра всегда объезжает земли. Извольте отужинать